

Даша Благова

Илья Мамаев-Найлз

Екатерина Манойло

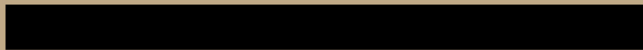
Алексей Поляринов

Ольга Птицева

Иван Шипнигов

Татьяна Замировская

Артем Серебряков

Евгения Некрасова

Антон Секисов

Нина Дашевская

Оксана Васякина

УМОЛЧАНИЯ

ЗОНА

Коллектив авторов Максим Мамлыга Зона умолчания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73915272

Коллектив авторов. Зона умолчания: Polyandria NoAge; Санкт-

Петербург; 2025

ISBN 978-5-6052403-6-5

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Сборник рассказов «Зона умолчания» – совместный проект NoAge и книжного медиа БИЛЛИ.

В него вошли двенадцать рассказов молодых современных авторов, представителей новой волны русскоязычной прозы. Ранее эти истории, посвященные актуальным вопросам российской действительности, были доступны в эксклюзивной подписке.

Попутно автор идеи и составитель сборника знакомит с каждым из авторов, раскрывает некоторые секреты устройства

современной литературы и рассказывает о том, какие процессы сегодня в ней происходят.

Мы считаем жанр рассказа недооцененным и хотим привлечь к нему больше внимания, дать ему больше времени и места.

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Как читать этот сборник?	6
Даша Благова	9
Кольцевая композиция Даши Благовой	9
Спокойная жизнь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Коллектив авторов
Зона умолчания
(Сборник рассказов)

© Мамлыга М. С., составление, статьи, 2025

© ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2025

Как читать этот сборник?

В любом порядке. От знакомых авторов к незнакомым, либо наоборот. Можно линейно. Как захотите.

Этот сборник родился из литературного приложения медиа БИЛЛИ, которое распространялось по подписке. Так мы осенью 2023 года (не пугайтесь анахронизмов, если найдете, – тексты писались на протяжении полутора лет) добавили к нашему «Бестселлеру независимых книжных магазинов» второй проект, который продолжал бы наш большой форматный эксперимент, но, с другой стороны, собственно литературный.

Уже существовали замечательные рассылки рассказов – легендарная «Шуфлядка», например, – регулярно выходят сборники рассказов, организованные по самым разным принципам (в последние годы – в большом количестве, что очень радует). Наше «новаторство» заключалось в том, чтобы вместо привычных двух-трех предложений (абзаца?) об авторе и его творчестве рассказать о его жизни, о том, чем он интересен, о том, на что нужно обратить внимание в его книгах, насколько это возможно полно, плюс добавить общую на всех анкету, и тут же поместить рассказ, написанный специально для БИЛЛИ, как в больших и красивых журналах. Почти сразу мы договорились с героически смелым издательством NoAge, чья команда во главе с Дариной Якуни-

ной поверила в этот проект, в то, что в конце концов из этого получится общая книжка, – и, о чудо, вы держите ее в руках.

Все авторы здесь – в той или иной степени представители новой волны современной русскоязычной прозы, то есть те, чья известность и чьи книги пришли к нам после 2016–2017 годов. Это период настоящего расцвета: новое поколение авторов, подгоняющих писателей предыдущих десятилетий, возникновение широкого интереса в современной русскоязычной прозе, бурное развитие книжных институций и появление новых издательских проектов, концептуализированное обращение к социальности и к современности. Несмотря на их успех у читателей, нам кажется, что о них знает очень мало людей, – и мы рады, если эта книга познакомит вас с новыми именами. Либо поможет лучше понять тех, кого вы уже читали, ведь каждый из них воплощает те или иные черты, свойственные этой волне.

Название сборника отсылает к одной из общих тем в литературе этого времени – борьбой с табуированностью высказывания по важным, острым вопросам, замалчиванием социальных проблем. У этой темы есть своя еще не написанная и не оконченная история, мы только коснулись ее на этих страницах. К тому же сам жанр рассказа, небольшого пространства прозы, все еще не получил заслуженного внимания. Так, в этой книге можно посмотреть, как разные авторы с самым разным опытом видят этот жанр, решают сюжет, какие используют приемы, как устраивают композицию. На-

пример, «Зону умолчания» можно использовать как основу для годового книжного клуба и прочесть дюжину рассказов и очерков жизни и творчества, – уверен, материала и вопросов наберется достаточно.

Важно сказать, что этот сборничек несовершенен. Очерки писались быстро, по открытым источникам, написаны они не академично, очень вольно, без четкой теоретической базы (хотя с большим вниманием к институтам и социальным аспектам), цитаты писателей из интервью и записей в соцсетях приведены с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Главной целью было не написать полные и исчерпывающие биографии писателей и писательниц, но – и это может прозвучать сентиментально – передать любовь к этим авторам и их текстам, попытаться заинтересовать читателя их книгами.

И если это произойдет с вами, то мы достигли цели.

Максим Мамлыга

Даша Благова

Кольцевая композиция Даши Благовой

3 февраля 2022 года Евгения Власенко, известная тогда также как Книгагид, узнала, что премия «Национальный бестселлер» опубликовала длинный список нового сезона, и написала у себя в Фейсбуке¹ большой пост, который начинался так:

Номинировала на 22-й сезон премии «Национальный бестселлер» роман Даши Благовой «Южный Ветер» и чувствую удовлетворение.

Эта история неувлимо отсылает к «Пробуждению» Оливера Сакса и «Пролетая над гнездом кукушки» Кена Кизи, и в то же время это совсем другая, наша история.

В этот момент большой книжный мир узнал о существовании новой писательницы, которая во многом станет одним из символов нового поколения авторов.

Даша, тогда еще Даша Лебедева, родилась в Ставропольском крае, там, где минеральные воды бьют из-под земли.

¹ Продукт компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ (здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, – прим. ред.).

Семья жила небогато, но была счастливой. Дашин папа работал в пожарной части, она прожила в ней до семнадцати лет, там, в большом здании с башней, в девяностые выделили квартиры для служащих. Вот как она об этом вспоминает:

Девяностые на Кавказе – время, мягко говоря, непростое... Было много терактов. А мой папа пожарный, и жили мы всей семьей в пожарной части. Он работал на этих терактах, разбирал завалы. В нашем регионе не было практически ни одной семьи, которой бы это не коснулось в той или иной степени. Моего двоюродного брата его папа, например, отправил за сигаретами на рынок, а когда он возвращался, раздался взрыв – на том месте, где он их покупал. Брат не пострадал, успел добежать домой.

(Из интервью для проекта «Современники» журнала «Правила жизни».)

Уже в более сытые нулевые жизнь стала налаживаться. Дашины родители старались дать ей все, что могли. При этом они хорошо знали, что их регион сложен: он не только ослепительно красив, но и жесток, а иногда и опасен. Они пытались внушить ей мысль о лучшем будущем:

Передо мной с детства ставили цель, которая звучала буквально так: «Выбраться из этой жопы». <...> Мама и папа всегда считали, что я достойна увлекательной и комфортной жизни, что я в принципе достойна выбирать, как мне жить, они всегда во всем меня поддерживали, но у них не было и мысли, что хорошая

жизнь возможна в Минводах. Так что мы делали все, чтобы я уехала сразу после школы. Я сдала ЕГЭ на 100 баллов, поступила в МГУ.

(Из интервью Юлии Петропавловской для сайта фонда «Нужна помощь» [внесен в реестр иноагентов].)

Так, в 2010 году Даша оказывается на факультете журналистики Московского государственного университета. Даша поначалу идет на кастинг на телекафедру, но ей рекомендуют радио. Она не сразу получает распределение, однако уже четвертого сентября на университетском сайте появляется следующее:

Объявление № 2

В понедельник, 6 сентября, в 14:00 в ауд. 229 будет проводиться дополнительный набор на радиоотделение.

На собеседование приглашены следующие студенты:

Лебедева Дарья

Прохорова Дарья

Чернашина Елена

Данные студенты *временно* (!!!!!) распределены по другим группам.

В понедельник по результатам собеседования будет проведено перераспределение.

Так, учеба Даши на ближайшие пять лет (не бакалавриат, специалитет!) все-таки оказалась связана с радиовещанием. Началась бурная студенческая жизнь.

Трудно сказать наверняка, какое влияние оказал на Дашу этот период, но можно предположить, что огромное. Во

всех программных документах говорят об инновациях, официальные лица размышляют о безвизовом режиме с Евро-союзом, в Москве закладывается «российский аналог Кремниевой долины» Сколково, не пройдет и месяца с момента Дашиного поступления в университет, как на место Юрия Лужкова придет Сергей Собянин, уже работают институт «Стрелка» и музей «Гараж», все говорят о новых медиа – с апреля работает лайфстайловый The Village. Москва в этот момент – город надежды, город, где сталкиваются разные мнения, город, смотрящий в будущее.

Даша Благова написала два романа – «Южный Ветер» и «Течения», но ни тот, ни другой не автофикшен, который бывает достаточно просто соотнести с биографией автора. Это именно фикшен, выстроенный и спроектированный, но которому, вне всякого сомнения, писательница дарит собственные чувства и мысли. Так, в «Течениях» речь идет о девушке, которая приезжает учиться из южного города на факультет МГУ, – между ней и Благовой есть дистанция, однако можно предположить, что Даша вложила в роман собственные впечатления от первых лет учебы:

Теперь я рассмотрела факультет, он был весь карамельный, завитушчатый и нарядный, через стеклянный купол внутрь лился солнечный сок. <... > Когда я поднималась на балюстраду по мраморной лестнице, то специально посматривала под ноги. Я боялась, что могу оставить за собой грязные следы. Не

то чтобы факультет отторгал меня, он, скорее, просто не замечал таких, как я. И мне не хотелось, чтобы кто-то наконец увидел меня только потому, что я пачкаю мрамор.

Благова довольно тонко остраивает бытовые детали из жизни героини, чтобы показать, какой непривычной казалась Москва тому, кто только-только приехал в столицу. Сейчас никого не удивишь кофе навынос – тогда кофе в белом картонном стакане был настоящим событием, и этому ритуалу в романе посвящено несколько страниц. Или эпизод с посещением модного бара, который с ходу не понравился героине: он обставлен винтажной мебелью, по-хипстерски, и тогда это кажется чем-то странным, хаотичным, некрасивым. То же видно по описаниям жизни в общежитии: оказавшись в компании однокашников, она впервые слышит песню «Из окна» Noize MC [внесен в реестр иноагентов.] – и удивляется, почему они так упирают на первую строчку («*Разве не это мечта – работать на федеральном телевидении?*»). Однако на следующий день она, уцепившись за нее, слушает эту песню вновь и вновь, она увлечена ее настроением, ее дерзостью – что-то уже незаметно меняется в ней.

На адаптацию к местной культурной жизни у Благовой ушло несколько лет. Она впитывала в себя новые слова, ценности, смыслы с молниеносной скоростью, старалась жить полно и ярко. Уже в 2011 году она знакомится со своим будущим мужем, Виталием Благовым, с которым они вместе и

по сей день. Тульский красавец, играющий на гитаре, с большим будущим в айти-сфере – они стали красивой парой, поселились в Измайлово, путешествовали – Прага, Рим, Барселона, завели собаку и спустя несколько лет, в 2015 году, поженились – Даша Лебедева стала Дашей Благовой.

Тем временем в жизни молодой журналистки появился первый серьезный проект «Зазеркалье» – радио людей с опытом психиатрии. К этому моменту Благова уже знала, что хочет заниматься социальной журналистикой:

Было время, когда жизнь моя казалась мне невыносимо трудной. Мне было семнадцать – в этом, в общем-то, и была основная причина всех трудностей. Я жила в городе Минеральные Воды, готовилась к сдаче ЕГЭ и не знала, что делать со своей жизнью. Однажды я увидела по телевизору ежегодный концерт фонда «Подари жизнь», который назывался «Маленький принц». Совершенно чудесный, я его потом много раз пересматривала. Тогда же я полезла читать о фонде в интернете.

Не будет преувеличением сказать, что это очень на меня повлияло. Именно тогда я узнала о том, как много вокруг нас тех, кто нуждается в помощи, и тех, кто готов помогать. И когда тем же летом поступила на журфак МГУ, то выбрала для себя социальное направление в профессии. В дальнейшем это сформировало меня и как писательницу.

(Из интервью для сайта фонда «Подари жизнь» [внесен в

реестр иноагентов]».)

Однокашница Даши, журналистка Татьяна Щербакова, во время поездки в Барселону узнала о существовании радио для людей с психическими расстройствами – она вдохновилась этим опытом и решила писать диплом об этом. На сайте проекта «Средства Массового Исцеления» в блоке о «Зазеркалье» есть отдельный раздел для рассказа о мировом опыте: впервые такое медиа появилось в 1991 году в Буэнос-Айресе, оно называется La Colifata и существует за счет пожертвований слушателей, сначала распространилось по Латинской Америке, а затем и по всему миру. Миссия такого типа медиа проста: дать голос стигматизированной группе, у которой слишком мало возможностей высказаться. Радио дешевле, чем телевидение, а еще можно вести его, не показывая лица, анонимно, не опасаясь неприятных последствий. А в мире новых медиа, где радио вот-вот начнут вытеснять подкасты, можно совмещать их формат с классическим радиийным эфиром – для того, чтобы был естественный, реактивный разговор.

Во время написания диплома Щербаковой намекнули, что хорошо бы вставить главу об опыте такого радио в России, а его на тот момент не было. Она обратилась к президенту «Клуба психиатров» Аркадию Липовичу Шмиловичу, главе медико-реабилитационного отделения Психиатрической клинической больницы № 1 имени Николая Александровича Алексеева, ранее носившей имя Петра Петровича

Кашенко. Он ознакомился с идеей и тут же предложил сделать такое радио на базе своего отделения. Именно в этот момент Щербакова обращается к Даше Благовой. Она воспринимает эту идею с энтузиазмом, становится его главным редактором, а Виталий Благов – его звукорежиссером:

Мне всегда казалось, что радио в психиатрической больнице – это отличная метафора. Вот есть люди с диагнозом – живые, очень умные, обаятельные. Общество их не видит и не хочет видеть, поэтому они врываются в типа нормальную жизнь бесплотными голосами: рассказывают о своих болях, шутят, плачут, достигают предельной откровенности, переписываются с поклонниками, но все равно всегда скрывают свое лицо.

(Из интервью Юлии Петропавловской для сайта фонда «Нужна помощь» [внесен в реестр иноагентов].)

Сама Даша всегда вспоминает о «Зазеркалье» как о проекте, который многое ей дал, многому научил, избавил от множества стереотипов, а еще в какой-то степени помог сделать жизнь пациентов лучше:

Авторы изредка приглашали врачей для экспертного комментария, но в остальное время никто из работников отделения к нам зайти не мог – это было строго, и это, кстати, очень поддерживалось Аркадием Липовичем. Он считал, что именно такая горизонтальность помогает авторам радио быть профессионалами и чувствовать себя

профессионалами, а не теми, кого нужно все время лечить.

Есть, например, такая история. К нам присоединился взрослый мужчина, по образованию инженер, который сначала зачитывал компиляции из психологических журналов под псевдонимом, а потом стал писать что-то свое, ссылаясь на научные статьи. Примерно через год он поступил на психологический факультет, доучился до конца, начал работать. Он сам говорил, что это благодаря радио. Мне кажется, благодаря свободе и пространству, где можно пошалить.

(Там же.)

Одна из задач Даши была сделать это радио видимым – и это удалось. Вскоре о «Зазеркалье» начали писать медиа, очень разные – так, например, о нем рассказали и «Российская газета», и «Новая газета». А еще удалось сделать красивый и громкий мультимедийный проект «Голоса» – сотрудники «Зазеркалья» провели международный конкурс рисунков, записали интервью с авторами радио и сделали настоящий мультфильм вместе с командой режиссеров, аниматоров, звукорежиссеров. 23 ноября 2016 года состоялась его премьера в московском Мультимедиа Арт Музее.

Ее опыт социальной журналистки приглянулся Насе Красильниковой, сейчас – известной подкастерке, создавшей «Дочь разбойника», тогда – заместителю главного редактора сайта «Афиша Daily». Она пригласила Дашу возглавить отдел «Отношения» – и та согласилась.

Трудно сказать, сколько текстов Благова спродюсировала и отредактировала за время работы в «Афише». Однако именно здесь она смогла работать над тем, что ее действительно волновало. Ее тексты – это настоящая хроника социальной трансформации России во второй половине десятиях. Каждый из них через конкретный случай, через историю героя выходит на нечто большее, на разговор об обществе, заставляет аудиторию взглянуть на себя в зеркало – иногда улыбнуться, но чаще устыдиться. Это вопросы экологии, положения женщин, фемативизм, сексизм, сексуализированное насилие, это ментальное здоровье, психиатрия, медицина, инвалидность, а еще расизм, бездомность, материнство и отцовство, пытки, религия и общество, домашние питомцы, рабство, насилие в обществе и со стороны государства, сиротство, аборт, усыновление. Скандал в 57-й школе, московские митинги, рэп, ютьюб-блогерство – здесь целая эпоха. Однако уже по самим темам очевидно, что все они были чрезвычайно эмоционально затратны.

У Благовой остался единственный выходной – воскресенье. Уже некоторое время ее одолевали приступы тревоги. А затем боли, происхождение которых врачи не могли объяснить, она потратила довольно много времени, для того чтобы понять, что с ней происходит на самом деле. 13 января 2020 года на сайте «Афиши Daily» она сделает то, к чему не прибегала до сих пор, – расскажет от первого лица о своем опыте столкновения с российской медициной, бесплатной и

платной. Этот текст четко, жестко, структурированно показывает неэтичность, злоупотребление корпоративным положением, безразличие:

Четыре разных врача сообщили мне о страшном диагнозе, из-за которого я должна была оказаться с парализованным позвоночником годам к 45. Предполагалось, что всю жизнь я буду испытывать страшную боль, а еще, возможно, потеряю зрение (и чего только не потеряю). К концу года оказалось, что все врачи ошибались, а я на протяжении долгих месяцев зря пила обезболивающее и страдала из-за него от тошноты и боли в животе. <...> Но, если честно, новость о счастливом избавлении не принесла особой радости. Я слишком травмирована врачами и слишком много узнала о российской медицине.

И дальше:

По знакомству (!) и снова за деньги (!) я вышла на прекрасного врача, которому не могла позвонить пару недель. <...> Доктор оказался профессиональным, этичным и очень внимательным. Он долго осматривал меня и изучал результаты анализов. Все подробно объяснил и поставил диагноз – хронический болевой синдром. Говоря по-простому, это боли, которые идут из головы в тело, – часто на фоне депрессии.

В финале Благова, приводя случаи из своей журналистской работы, из недавних для того времени скандалов, задается вопросом: сколько еще нужно погубить, сколько людей

надо сделать несчастными для того, чтобы медицина изменилась? И каково приходится тем, кто, как Даша, не в силах предпринять столько же усилий, сколько она сама в этом конкретном случае? Это были неприятные для общества вопросы – и их нельзя назвать риторическими.

Для Даши Благовой наступает время тяжелых выборов. Как человек, который уже не раз писал о депрессии, она знает, что это не просто абстрактная «грусть», это заболевание, иногда очень тяжелое, которое требует серьезного лечения и – увы – изменения образа жизни. При этом ее карьера набирает обороты, ее тексты в «Афише Daily» набирают огромное количество просмотров, ее волонтерство по-прежнему нужно людям. Неужели от этого можно отказаться?

В тот же день, когда опубликован текст «Хождения по врачам: что я узнала о российской медицине, пока была неизлечимо больна», в Таиланде подтвердили первый случай заражения коронавирусом за пределами Китая. Не пройдет и двух месяцев, как весь мир охватит настоящая пандемия, заболеют сотни миллионов людей, в России объявят локдаун, причем в Москве он будет самым жестким – с облавами, штрафами, выгулом собак по часам. И да, именно это помогло Даше определиться. Весной 2020 года она увольняется, чтобы уделить время лечению:

Виталик предложил мне съездить на Кавказ «на месяцок», чтобы я могла там восстановиться. Мы взяли собаку и одну большую сумку с вещами, сели в машину

и поехали в соседний с Минводами город-курорт. Спустя два года мы так и не придумали, зачем нам возвращаться, у нас тут очень кайфовая, расслабленная жизнь, у нас в принципе появилась какая-то жизнь, кроме работы.

(Из интервью Полине Бояркиной для портала «Прочтение».)

3 апреля 2020 года она напишет в Инстаграме [продукт компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ]:

Запомню 1 апреля 2020 года как очень хороший день, когда я добровольно ушла из любимой «Афиши», смирилась с тем, что вторая работа тоже закончилась, а я осталась без постоянного дохода и как бы не у дел. Как сказала моя подруга Арина, очень сложно спрыгнуть с велосипеда, который несется вниз, легче продолжать катиться ко дну ямы. Я спрыгнула еще месяц назад и только теперь начинаю понимать, что я – это не моя работа, статус и заработанные деньги. И что во внутренней эмиграции и наедине с собой бывает очень даже кайфово. Интересно, конечно, куда эта дорожка выведет, тем более что мир в огне, а мы все – в домике.

Настала пора посвятить время себе. В интервью Благова часто говорит о том, что была счастлива вернуться на Кавминводы, – это место дает ей силы, здесь отсутствует московская суэта, местная природа настраивает на хороший лад, Даша рада быть ближе к семье. Для нее все это оказалось более важным и нужным, чем столичная карьера и призра-

ки возможных привилегий. Уже 7 сентября она напишет на своей странице в Инстаграме [продукт компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ], что после долгого разговора они с Виталиком приняли решение попробовать пожить на два города. В итоге оно обернулось постоянной жизнью в родных местах – Даша Благова вернулась домой.

В это время ее отдушиной стала работа в подкастинге, несложная для Благовой, но очень любимая. В марте 2020-го она вливается в команду студии подкастов «Либо-Либо». Ее основатели – Лика Кремер, Катя Кронгауз и Андрей Борзенко – были среди тех, кто в 2010-е популяризовал подкасты для широкой публики. Можно сказать, что для них основание собственной студии явилось логичным шагом в развитии, обретением независимости от редакционной политики медиа, прямым выходом к возможным рекламодателям. Те, кто в широком смысле интересуется культурой и следит за медиа, наверняка хотя бы слышали об их проектах, многие из которых стали широко известны: «Сперва роди», «Тоже Россия», «Дочь разбойника», «Два по цене одного» и многие другие.

Помимо ведущих, голоса которых мы знаем, за выпуском подкаста стоит настоящая команда – и это не только очевидные звукорежиссеры, монтажеры, но и редакторы, сценаристы, продюсеры. Даша, учитывая ее огромный опыт, становится человеком на все руки – и занимается такими проек-

тами, как «Истории русского секса», «Хорошо, что вы это сказали», «Хроники еды». Екатерина Кронгауз в одном из постов называет ее «лучшим организатором поиска всех», в другом – восхищается тем, как она помогла с кризисным эпизодом для одной из записей, успокаивая и поддерживая интервьюируемую в сложнейшей ситуации.

При этом такая занятость позволяла наконец освободить время для того, чтобы писать.

К этому времени Даша уже приобрела небольшой литературный опыт. Как она рассказывает сама, по совету психолога-аналитика:

Несколько лет назад я начала испытывать сильную тревогу, экзистенциальный ужас, было ощущение, будто через мгновение наступит апокалипсис. Позже я узнала, что это были панические атаки, которые могли длиться не просто часами, а сутками, даже по ночам. Я оказалась у психолога-аналитика, который помог мне вспомнить, что в детстве я придумывала истории, когда чувствовала тревогу. И тогда я решила, что начну писать что-то большое, бесконечное и буду заниматься этим по воскресеньям, в свой единственный выходной. Я рисовала блок-схемы, придумывала персонажей, сталкивала их друг с другом и записывала в блокнот черты характеров. И это правда помогало: после таких воскресений у меня могло не быть тревоги до четверга. *(Из интервью Юлии Петропавловской для сайта фонда «Нужна помощь» [внесен в реестр иноагентов].)*

Ответственный человек, Даша еще в 2019 году решила пойти поучиться – и выбрала Школу литературных практик, первый годовой курс, где преподавали Евгения Некрасова, Татьяна Новоселова, Алеся Атрощенко, Оксана Васякина. Это было удачным решением: основательницы школы не просто призывали писать о современности, но искать язык, которым можно о ней адекватно и этично писать. В этом смысле случился идеальный мэтч – эти вопросы волновали писательницу и во время журналистской работы. Однако сама Благова считает, что здесь есть существенное отличие:

Журналистика и литература – это очень разные сущности, у них нет почти ничего общего, но для меня главное различие в том, что, когда ты занимаешься журналистикой, ты принимаешь боль, а когда пишешь прозу – отдаешь.

(Из интервью Полине Бояркиной для портала «Прочтение».)

Так, еще до возвращения домой у Благовой зародилась идея первого романа, который мы знаем сейчас как «Южный Ветер». Судя по открытой информации, от момента замысла до выхода книги прошло около четырех лет. За это время она поучаствует в сборниках «Страсти по конституции», выпустит рассказ в рамках проекта «Встречи с властью», а в «Артикуляции» – рассказ «Великолепная Вера» (предвестник «Течений»), подготовит текст для экологического сборника «Срок годности». Она все уверенней в своих силах, от-

носится к письму максимально серьезно:

К роману у меня проектный подход: я не верю во вдохновение и отношусь к написанию художественного текста как к работе. Пользуюсь трекерами задач, Мiго, экселем – короче, менеджерю процесс так, как привыкла это делать за годы работы с нехудожественными текстами.

(Из интервью Полине Бояркиной для портала «Прочтение».)

Замысел романа действительно был сложен для дебюта, однако это компенсировалось тем, что Благова отлично знала, о чем писала. Главная героиня Саша после многих лет жизни в Москве возвращается в родной город Южный Ветер, выдуманный, являющийся чем-то усредненным среди городов Кавказских Минеральных Вод. Только что умерла ее мать, с которой у нее были очень, очень сложные и тяжелые отношения, – они не общались много лет с момента Сашиного отъезда. Однако Сашу манят не меркательные мотивы вроде «получить наследство», но желание увидеть своего младшего брата, которого, в отличие от матери, она действительно любила – и жалела, что оставила его. Вернувшись, она понимает, что брат в очень плохом состоянии: не говорит ни слова, не может сосредоточить на ней взгляд, надевает одежду, только если она сложена в определенном порядке, не всегда может самостоятельно поесть. Обратившись в местную психиатрическую больницу, Саша знакомится с заведующим отделением, к которому относится ее брат, и

только в этот момент начинает понимать, что не вернется в Москву, а останется здесь надолго. Как это бывает не только в регионах, но и в столицах, дневной стационар забит – мест нет и не предвидится, – однако заведующий предлагает ей сделку. Наша героиня должна будет вести кружок, какой – пусть придумает сама, и в обмен на это брат получит надежду на прогресс в лечении. Она соглашается – и спустя некоторое время придумывает больничное радио, где пациенты психиатрической больницы могли бы говорить о том, что их волнует, сначала на весь край – а затем и на весь мир. Путь, который ей предстоит, ведет к трагическому финалу – и только робкая надежда, что блеснет в эпилоге, немного спасает читателя.

Первое, что бросается в глаза, – между сюжетом романа и реальной жизнью писательницы есть немало общего. Однако есть важные нюансы.

Писательница вернулась в Минеральные Воды после многих лет жизни в Москве. Однако, в отличие от главной героини, у нее любящая, поддерживающая семья, мама и папа живы-здоровы, Благова так говорит о Саше в интервью:

Сашина оптика – это отчасти моя оптика, когда мне было лет двадцать, когда я только пришла в Кашенко и, как мне кажется сейчас, занималась объективацией своих коллег по «Зазеркалью». Я тогда смотрела на них свысока, колонизаторски, думала, что сейчас я их всему научу, и если они будут

делать как надо, то все будет супер, мы прославимся. Сейчас мне за это очень стыдно. К сожалению или к счастью, я высокочувствительный человек: это такая психическая особенность, которая, с одной стороны, дает невероятный уровень эмпатии и заставляет всегда ставить себя на место другого человека (хочешь ты этого или нет), а с другой – сильно бьет по психике и мешает в быту (у меня, например, тяжелые отношения со звуками, и не только). Мне кажется, что благодаря этой высокой чувствительности, а также терпеливому и мудрому отношению ко мне со стороны авторов я не стала как Саша.

(Из интервью Юлии Петропавловской для сайта фонда «Нужна помощь» [внесен в реестр иноагентов].)

Их имена рифмуются, но не совпадают – Саша двойник Даши, но двойник с отрицательным знаком, антидвойник.

Похожая ситуация с заведующим медико-реабилитационным отделением: Джумбер из «Южного Ветра» – это не Аркадий Липович, описанный Дашей как принимающий и заботливый человек, для которого пациенты всегда были на первом плане. И с другими элементами сюжета: Крестопольская больница – это не больница имени Алексеева, «Ветрянка» из романа – это не «Зазеркалье», а персонажи-пациенты выдуманы целиком – здесь Даша однозначно и четко проговаривает, что, на ее взгляд, было бы неэтично выписывать на этих ролях тех, кого она знала лично, пусть и совсем в другой ситуации.

Это важное свойство прозы Благовой: она берет свои реальные чувства, переживания, впечатления, настоящие, правдивые, и, для того чтобы оживить роман, привести его в движение, передает их создаваемым героям в создаваемой ситуации. При этом между романом и жизнью остается здорovenный зазор – и остается здесь специально.

Этичность проговаривается писательницей и в другом аспекте – в том, что касается состояний тех, кто трудится в «Ветрянке». В романе описывается довольно много симптомов, однако мы нигде не найдем, чтобы у кого-то был прямо назван диагноз, – чтобы у читателя, который не является специалистом в психиатрии, не было и малейшего шанса навесить его как ярлык. Дестигматизация, заявленная авторами «Ветрянки» как одна из целей создания радио, работает и здесь – в первую очередь мы должны увидеть в них людей, а не автоматически скрыть за тем или иным словом.

Это может показаться небольшой деталью, но именно таким образом в романе проявляется позиция автора. Таких деталей-остранений, как сигнальных флажков, в романе довольно много – и у читателя они с первых глав вызывают чувство некоторого дискомфорта: в какой-то момент нельзя не заметить, что они вступают в конфликт с магистральной линией – с тем, куда несется главная героиня Саша. Это не проговаривается прямо, но мы видим и чувствуем, что несмотря на то, что автор во многом сочувствует ей, многие ее поступки не вызывают авторской поддержки и одобрения.

Дело в том, что Саша, пусть и вынужденно, уехав в Москву в раннем возрасте, так и не разобралась со всем тем страшным, что произошло с ней в детстве, не обратилась за помощью. Да, она добилась в столице успеха, но это как будто произошло ценой некоторого ожесточения – она нам кажется современной, вроде как несущей прогресс, она обещает демократию в кружке, но раз за разом продавливает те решения, которые ей кажутся нужными. Она осуждает насилие и авторитаризм, но на самом деле оказывается их носителем – и это чуть ли не главная причина ее трагедии. Даша Благова подтверждает это в интервью, добавляя антиколониальный контекст:

Сам город описан только через Сашину оптику, а Саша – нетерпимая, злая, презирающая всех, кто не похож на нее. Она, например, даже не думает о том, что винно-водочный завод дает много рабочих мест, Саша его просто ненавидит за страшную трубу. Она ассоциирует себя с горой и обожает эту гору, а все остальное ей неинтересно. И возвращается Саша просто потому, что ей хочется вернуться, а не потому, что она собирается все тут изменить. Хотя, вернувшись, Саша в некотором смысле занимается колонизаторством и что-то действительно меняет.

(Из интервью Юлии Петропавловской для сайта фонда «Нужна помощь» [внесен в реестр иноагентов].)

Именно это – вторая большая идея книги: то, что нам может казаться прогрессивным, на самом деле может скрывать

нечто очень старое, неприятное, хорошо знакомое. Ни к чему хорошему это не приводит – так что начинать нужно с себя, присмотреться – нет ли за «причинением добра» попытки доказать свою исключительность и потешить эго?

Даша Благова во время своей работы в журналистике была одним из знаменосцев информирования о психическом здоровье, она писала о психиатрии, о психотерапии, о ментальных особенностях. Новое поколение писателей, пришедшее в литературу в 2017 году, сделало ментальное здоровье одной из постоянных своих тем: во многом это произошло благодаря феминистскому повороту 2010-х. После осуждения насилия и разговора о последствиях насилия естественным было поговорить и о том, что делать дальше: есть ли способы восстановиться, найти в себе силы жить, по возможности ровно и счастливо, построить здоровые отношения. Разговор в медиа открыл дорогу к разговору о душевном здоровье вообще, и совсем скоро он проявился в литературе. Это заметно и по произведениям писателей и писательниц, и по тому, как об этом говорят на презентациях: сейчас никого не удивишь вопросом «было ли написание романа для вас терапевтическим?», восемь лет назад он казался удивительным. В наш язык проник психотерапевтический дискурс – мы говорим о жизни, литературе языком, который еще совсем недавно считался достоянием профессионалов.

Завершенный в 2021 году роман Даши Благовой «Южный Ветер» зафиксировал то, что сейчас нам кажется абсолютно

естественным и понятным: вслед за феминистским поворотом в литературе свершился психотерапевтический. Сначала журналистка, а затем писательница, она сделала для этого максимум – сначала создав этот язык в медиа, а затем подарив его литературе.

Знаковым стал и выбор издательства. В этом же году Юлия Петропавловская, до этого создавшая в издательстве «МИФ» направление прозы, ушла на другую работу – в издательскую программу фонда «Нужна помощь» [внесен в реестр иноагентов]. К этому моменту их портфель был ориентирован на аудиторию сотрудников и руководителей благотворительных организаций – книги о фандрайзинге, построении команды и т. д. Петропавловская перекраивает издательскую программу с тем, чтобы сделать ее инструментом разговора об уязвимых группах для широкой аудитории, популяризировать благотворительность, развивать у читателей эмпатию, сочувствие, желание помогать тем, кто действительно нуждается в помощи. В первую очередь Петропавловская обратилась к переводным книгам: «Райский сад первой любви Фан Сыци» Линь Ихань, «Все мои ребята» Рут Кокер Беркс, «Капитализм в огне» Ребекки Хендерсон, во вторую – запланировала русскоязычный нон-фикшен, первой книгой которого стали «Подтексты» специального корреспондента «Таких дел» Евгении Волунковой.

Вскоре Алеся Атрощенко, уже знакомая тогда с Петропавловской, при поддержке Евгении Некрасовой посоветовала

ей обратить внимание на рукопись Даши Благовой. Петропавловской рукопись понравилась – и «Южный Ветер» стал первым русскоязычным фикшеном в портфеле издательской программы «Есть смысл». Началась подготовка издания.

Петропавловская известна как требовательный редактор. Более того, она часто предлагает автору идеи, которые могут, на ее взгляд, сделать роман лучше. Вот так Даша Благова вспоминает работу над текстом:

Я с благодарностью принимала все правки и отстаивала только действительно важные для меня моменты: делала это аргументированно и сдавалась, если редакторские возражения перевешивали. Я думаю, что писатель лучше знает, как писать, а редактор лучше знает, как редактировать. В издательстве «Есть смысл» очень круто работают с текстами, и это, насколько я поняла, в России редкость. Мы обсуждали не только стиль, слова и логические ошибки, но и глубинные вещи: смысл, посыл, идею. После разговора с Юлей я написала эпилог про Женю – изначально его в планах не было. Юля предложила дать в конце немного надежды, а получилось вообще круто: основная идея стала гораздо ярче и понятнее.

(Из интервью Полине Бояркиной для портала «Прочтение».)

В начале 2022 года рукопись была готова, дело оставалось за малым – подобрать обложку и сдать книгу в печать. Именно на этом этапе книга попадает к Евгении Власенко, номинировавшей ее на премию «Национальный бестселлер», – на

сайте премии выставлена не сама обложка, а ее эскиз, некоторые рецензенты отмечали небольшие огрехи редактуры. Однако это уже означало, что книга вышла в свет, – на своей странице в Фейсбуке² Евгения Некрасова не скрывала радости: Даша Благова первой из учениц «Литературных практик» выпустила роман, в какой-то мере это было и успехом подхода школы к литературе.

Однако злое рецензирование первого этапа «Национального бестселлера» было прервано. После 24 февраля 2022 года за рецензиями перестали следить, а вскоре оргкомитет премии остановил ее на коротком списке – «„Нацбест“ перестал существовать».

Сам роман все-таки выйдет из печати, но уже в мае, когда книжный мир немного оправится от первого шока. Однако, как и многие другие книги, вышедшие в те страшные месяцы, «Южный Ветер» гораздо дольше искал путь к читателю, дольше, чем те, что вышли до, дольше, чем те, что вышли после. Можно с некоторой уверенностью сказать, что книга имела бы оглушительный успех – это по-настоящему блестящий дебют, затрагивающий очень много социальных контекстов. С большой вероятностью «Южный Ветер» вошел бы и в короткий список премии «НОС», а может быть, и победил бы – тут и новая словесность, и новая социальность. Однако «НОС» тоже приостановил свою работу.

Впрочем, кто знает, может быть, это и к лучшему – ро-

² Продукт компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ.

ман потихоньку, сначала усилиями Власенко, Петропавловской и Некрасовой, проникал в инфополе, его стали читать блогеры, он продавался в независимых книжных магазинах, прошло несколько презентаций. Его слава формировалась небыстро, но прочно, словно роман попадал именно в те руки, которым он был нужен. Это подтверждают и отзывы критиков, и отзывы читателей – достаточно загуглить.

В это время Благова уже работает над следующим романом «Течения». Как и в «Южном Ветре», здесь ее занимает дисбаланс власти, но на этот раз в более сложной ситуации – в отношениях дружбы.

Как я писал выше, Даша подбиралась к теме этого романа прежде. Речь идет о девушке родом из Кавминвод, которая поступает в МГУ на факультет журналистики. Она словно переходит из одной вселенной в другую: жизнь в ней идет по другим правилам. Собственно, два сюжета течений – роман взросления и познание этих правил. Главная героиня, Настя, довольно быстро находит «аборигена» – сокурсницу-москвичку Веру, которая становится Настиным проводником. Ее инаковость, ее привилегии ослепляют и оглушают Настю, они так быстро сходятся, что Настя не замечает, что Вера смотрит на нее свысока, и, несмотря на то что та называет ее подругой, на самом деле Вера, как будто не сознавая этого, пользуется ею как декорацией, на фоне которой Вера должна выглядеть ярче, лучше, интереснее. Настя восхищается ею, обожает ее, словно младшие гимназистки старших

у Чарской, и да, на самом деле так же безответно. Настя падает в абьюз.

Эмоциональную ценность такой книги наверняка могут понять только те, кто когда-либо оказывался в подобных отношениях, – ее лучше прочесть пораньше, чтобы такого не испытать, либо, если испытали, прочесть в качестве поздней терапии, поддержки. Однако у книги есть и социальная ценность. Она говорит о мизогинии, неприязни женщины к женщине, о природе этого явления. За последние годы написано немало книг, где критикуется токсичная маскулинность и воспевается сестринство. Даша Благова этим романом призывает женщин к бдительности: стремительное сближение в женской дружбе, увы, также, бывает, оборачивается болезненными последствиями. Всю их глубину Настя понимает только в финале романа, освободившись от наваждения, оказавшись в депрессии, пожив чужую жизнь и оказавшись в нескольких ситуациях, о которых она будет сильно жалеть. И да, в этом романе снова антиколониальный контекст – поведение Веры не в последнюю очередь обусловлено тем, что она действует с позиции силы, обретенной будто по праву рождения или, точнее, из-за характера ее социализации. В отличие от Насти Вера здесь все и всех знает, она как раз все понимает в местных правилах игры, но пользуется ими во вред Насте.

При этом наша героиня все-таки взрослеет и трансформируется – освобождаясь от чуждого влияния, она оставляет

лучшее, она выросла как человек, как женщина, как подруга, как профессионал, как гражданка своей страны. Последние сцены романа впечатляюще печальны, но они полны надежды.

«Течения» вышли в январе 2024 года, не прошло и двух лет с момента выхода «Южного Ветра». Книжный рынок в России изменился, равно как и поле благотворительности: фонд «Нужна помощь»³ был вынужден закрыть издательскую программу, правда Юлия Петропавловская сумела продлить её жизнь, выпустив несколько прозаических книг совместно с издательством «Поляндрия NoAge». Даша Благова перешла в издательство «Альпина. Проза», к этому времени сумевшему укрепиться, собрать внушительный портфель, найти и создать собственных литературных звезд. Как автор «Альпины. Проза» Даша смогла проехать по множеству фестивалей в разных городах России. Некоторые читатели уже знали ее по «Южному Ветру», но новый роман еще и сразу получил доступ к читателю благодаря книжным сервисам – сначала «Строкам», а затем и «Букмейту», вскоре сменившему имя на «Яндекс Книги».

В 2024 году Даша продолжает свою лучшую жизнь на Кавказских Минеральных Водах, она получила заслуженную писательскую славу и уже планирует на доске в Мiго новый роман. Жизнь приобрела ровный, хороший ритм – и это открыло время для приятных сюрпризов.

³ Внесен в реестр иноагентов.

Настоящий подарок Даше Благовой преподнесла шеф-редактор сервиса «Литрес» Катя Писарева в начале марта 2024 года. Когда благотворительный фонд «Подари жизнь», помогающий детям, заболевшим раком, пришел к ней с идеей сборника, Писарева сразу же обратилась к Даше. Она тогда не знала, что это именно тот фонд, с которого начался Дашин интерес к благотворительности, но была очень рада, что Даша приняла эту идею с большим энтузиазмом:

Мы долго обсуждали, какой именно будет книга. Сразу взяли за основу главное: она должна получиться интересной и этичной. Я подумала, что не стоит, наверное, лишний раз беспокоить героев, о которых и без того так много написано. Для создания художественного текста не нужно много подробностей. В моих рассказах много вымысла, я использовала только канву их историй. Мы попробовали создать первый рассказ и обязательно утвердить его с героем – Женей Суздальцевой. Я послушала выпуск подкаста «РАК happens» с ее участием, почитала интервью в открытых источниках. С поисками информации мне очень помогала команда фонда. В итоге я нашла нужное мне событие и взяла его за основу сюжета. Мы с Женей переписывались, созванивались. Она практически не внесла никаких правок в мой текст. Точно таким же образом писался каждый рассказ.

(Из интервью для сайта фонда «Подари жизнь».)

Спустя несколько месяцев работы в печать (и верстаться

на сервисе «Литрес»!) отправился сборник «Оттолкнуться от паузы», он успел выйти как раз к 18-летию фонда, к торжественному вечеру, на который пришли и те его подопечные, чьи истории легли в основу книги. Сразу после у Даши взяли интервью, где она сказала, что это ее любимый проект, – и можно с уверенностью сказать, что была абсолютно искренней.

Здесь у читателя этого текста должно появиться ощущение кольцевой композиции. В каком-то смысле Даша Благова, сначала как журналистка, а затем как писательница, началась с того самого концерта, увиденного ею в 17 лет. Так спустя много лет она смогла отблагодарить тех, кто, сами того не зная, придал ее жизни определяющий вектор: создавать то, что называют высказыванием, – и надеяться, что это, в свою очередь, если и не изменит мир к лучшему, то поможет конкретному человеку измениться.

Измениться так, как когда-то изменилась она сама: с неуловимого движения души, легкого, как дуновение ветра.

Анкета БИЛЛИ

Радует ли вас процесс письма?

Да, больше всего остального, что сопровождает письмо. Порой скучаю по временам, когда я дописывала первый роман и еще никому не была нужна.

Когда вам пишется легче всего?

Когда мне никто не пишет в мессенджеры, то есть поздно вечером и ночью. У меня много друзей и приятелей – и всем хочется ответить.

Если бы нужно было представиться человеку, который никогда прежде о вас не слышал, как бы вы это сделали?

В литературной тусовке достаточно сказать, что я писательница. Если люди из другой среды спрашивают, чем я занимаюсь, отвечаю, что работаю на фрилансе. Смущаюсь, когда надо объяснять что-то про мою литературную жизнь, плюс мне лень рассказывать о себе одно и то же.

Должна ли литература быть похожей на жизнь?

На мой взгляд – да, даже если это фантастическая история про инопланетян. Я отношусь к литературе как способу осмысления реальности.

Вы испытываете сочувствие к персонажам своих книг?

Бывает... Стыдно сказать, но недавно я плакала, когда мои герои расстались.

Какие книги можно прочесть, чтобы лучше вас понять?

Во мне нет ничего такого, что можно донести только через книги. Легче и быстрее просто спросить, что вам интересно, и я отвечу – скорее всего, честно.

Есть ли у вас любимый рассказ? Или рассказы?

«Кумуткан» Евгении Некрасовой.

Можно ли измерить успех писателя? Если да, то в чем?

Поскольку я обещала отвечать честно, скажу так: за свою литературную работу я бы хотела много денег при условии, что мне не надо будет изменять своим ценностям и принципам.

Но если говорить не об успехе, а об удовлетворении от результатов работы, самое главное для меня – отзывы читателей.

Если бы не письмо, чем бы вы занимались?

Раньше я была журналисткой и работала в классных медиа, но потом выгорела, да и журналистика в России закончилась, а уезжать за границу я не хочу. Если бы у меня не сложилось с письмом, я бы работала каким-нибудь head of content в корпорации, а потом выгорела бы еще раз и пошла в фитнес-тренеры (люблю спорт и качалку).

Есть ли текст, которым вы по-настоящему гордитесь, и почему?

Наверное, текстами о современном рабстве на «Афише Daily» – например, историей Суниты Кришнан, спасшей 20 тыс. женщин и детей из системы секс-трафика. Или интервью с Олегом Мельниковым – он сложный и неоднозначный человек, который тем не менее реально спас из рабства около тысячи человек. У этих текстов были сотни тысяч просмотров, плюс, насколько мне известно, есть люди,

которые после прочтения приложили руку к спасению других людей.

Если говорить про мои художественные тексты, то горжусь всеми, а из последних – рассказом «Башня». Это новогодняя сказка про мое детство (не автофикшен!), которая до слез растрогала моих родителей.

За кем из коллег по письму вы следите?

За всеми, стараюсь читать все яркие новинки и заглядывать в писательские блоги. Особенно интересно и важно, что пишут женщины. Егана Джаббарова, Евгения Некрасова, Светлана Павлова, Екатерина Манойло, Ася Демишкевич, Ольга Птицева – мои крашессы, причем далеко не все, этот список слишком длинный, чтобы приводить его здесь.

Автор скорее мертв, чем жив? Или наоборот?

Конечно, жив. Особенно авторка.

Есть ли какая-то вещь, без которой вы не можете себя представить?

Их много! Я не аскетка и всегда путешествую с чемоданом, который едва застегивается, даже если лечу куда-то на два дня. Хотя обожаю порядок и не могу жить в захламленных пространствах – раскладываю все по ящикам даже в отелях.

Больше всего не могу представить себя без черной подводки для глаз LUXVISAGE (да), красного велосипеда Cannondale, техники Apple (от часов до макбука), всех своих средств для склонной к акне кожи, любимых сережек и

колец, чокера-пружинки, бутылки с водой и зубных щеток для брекетов.

Вам хочется, чтобы ваши книги вас пережили?

Мне все равно, честное слово. Просто хочу пожить подольше рядом с любимыми людьми – и чтобы они тоже пожили подольше.

Существует ли счастье? Если да, то что оно для вас?

Не знаю. Но я стараюсь понимать жизнь как интересный путь и относиться к ней с любопытством, не врать себе и другим, никого не осуждать и принимать людей во всем их разнообразии. Чем дольше я практикую такое отношение к жизни, тем чаще у меня получается почувствовать себя счастливой.

Я точно ощущаю счастье, когда мы вместе с мужем Виталием катаемся на велосипедах под горой Бештау; или когда в марте гуляем с собакой Деброй по заросшему ярко-синими пролесками лесу; или когда осенью всей семьей едем в горы и набираем полный багажник грибов; или когда прихожу на выставку современного искусства и вижу работу, от которой меня бросает в дрожь.

Я точно почувствую себя несчастной, если утром открою корпоративную почту и увижу в календаре несколько запланированных на день встреч; или если буду постоянно недосыпать; или если придется навсегда уехать с Кавминвод.

Существовал ли когда-то человек, на которого вы бы хотели быть похожи?

Пожалуй, нет.

Можете дать вредный совет начинающему писателю?

Могу давать только полезные советы и исключительно по запросу.

Есть ли песня или композиция, которую вы можете слушать бесконечно?

Единственная группа, которую я слушаю с 14 лет и по сей день, – это Placebo. Песни меняются, но в прошлом году чаще всего играла I Know.

Если бы вы были конфетой «Берти Боттс» из «Гарри Поттера», то с каким вкусом?

Лесной шампиньон. Дикий и сырой.

Литература лучше, чем секс?

Для меня любое доверительное общение с человеком лучше, чем чтение книг. А секс с любимым – это самое близкое, откровенное и приятное взаимодействие, которое можно себе представить. Не знаю, что с этим в принципе может сравниться.

Спокойная жизнь

Памяти спасателя Николая Клименко

В конце мая Лиза приходила в тату-студию с коробкой и шла к своему углу. Другие татуировщики поднимали головы над чужими телами, здоровались с Лизой и говорили что-нибудь незначительное, а потом продолжали царапать чужую кожу. Лиза складывала машинку, картриджи, иглы, банки и пленки: она никогда не вела запись на июнь, хотя продолжала платить за аренду и разрешала работать в ее пустующем углу. Лиза оставляла коробку в кладовке, прощалась со всеми на месяц и шла пешком домой.

Каждый год в начале лета Лизе становилось плохо. Как будто кожу прогрызал худой черный зверь и укладывался в ее животе. Зверь дрожал и теснил желудок, от голода жрал Лизин мозг и грыз Лизины кости. Ни с того ни с сего мир мог потемнеть, и тогда Лиза начинала задыхаться. Иногда Лизе становилось некомфортно в своем теле, как в колючей одежде, ей хотелось вылезти из кожи и оставить все зверю. В такие моменты она начинала ходить по комнатам и наваливаться на стены, косяки и мебель.

Когда Лиза больше не могла выносить тревогу и собственное тело, на нее опускалось толстое мутное стекло. Зверь засыпал, вот только Лиза начинала все делать как попало. Не могла вспомнить, зачем пришла на кухню, забывала пароль

от телефона, заносила иглу над кожей и не понимала, что делать дальше. Однажды Лиза шла по улице, и вдруг все превратилось в вязкую, молочную жижу. Не в силах идти дальше, Лиза остановилась посреди тротуара и поняла, что не помнит о себе ничего. Но потом позвонил папа, и его голос потянул за собой все, из чего состояла Лиза: одинокую тридцатилетнюю жизнь, Пятигорск, четверть дома в аренде и молчаливые походы в горы с отцом.

А еще Лизе снились кошмары: почти каждую ночь она видела странные тихие сны, в которых ничего не происходило, но Лиза будто оказывалась в них всем телом. Чувствовала легкий ветер и пыль на коже.

Внутри сна воняет гарью. Лиза видит серую сетку кирпича и большое окно. С подоконника свисает белая ткань, она не похожа на штору и напоминает тяжелый белый язык.

Наваждение спадало в последнюю неделю июня. Лиза не становилась счастливой: весь год она чувствовала тревогу и неясный страх, много чего не делала и жила уединенно, но хотя бы управляла собой и телом. Лиза не знала, почему все это происходит, а папа советовал продираться через июнь как через бурелом и жить дальше. Лиза продиралась.

Лиза снимала четверть старого пятигорского дома: у нее было свое крыльцо, крохотный участок, лужайка и виноградник, который рос сам по себе и шупал все, до чего мог дотянуться. В начале осени виноградник просовывал черные тяжелые гроздья в забор к соседям, предлагал себя прохожим

через калитку и бросался ягодами в Лизу, но сейчас вел себя скромно и просто тарачился в небо. Под ним была густая тень, и лужайка не зарастала, так что Лиза ничего с виноградником не делала, хотя папа советовал обрезать.

В первый день лета к Лизе пришла Света, и они сели на веранде в плетеные кресла: пили холодный лимонад из бутылок и смотрели на макушку горы Машук с воткнутой в нее телебашней. Лиза чувствовала, как зверь внутри тычет когтем в ее сердце и играет с легкими: фитнес-часы показывали повышенный пульс. Голова болела, потому что вечернее солнце плевалось в глаза. Лиза отрывала от перил куски засохшей краски и растирала между пальцами.

– Лизок, сходила бы ты к врачу, – сказала Света. – К неврологу для начала.

– Я не хожу к врачам, – Лиза закрыла глаза.

– Но почему?

– Да не люблю эти больницы, не могу туда ходить.

– Лизок, даже я могу, даже после всего. А ведь меня в юности связали и увезли в психушку.

– Ну, ты крутая, получается.

– При чем здесь крутая? Просто может так случиться, что тебе будет необходимо лечиться в больнице, ты же взрослеешь. Надо потихоньку начинать все-таки.

– Взрослеешь? – Лиза открыла глаза и уставилась на Свету.

– Ну а как еще сказать?

– Ой, отвали, а. Давай не сейчас хотя бы.

Через рабицу просматривался соседский двор: тоже маленький, но ухоженный. Он так же, как и Лизин, лип к квартире на земле, только в соседнем доме. В том дворе часто что-нибудь делала Мария, учительница рисования на пенсии, которая когда-то давно преподавала у Лизы в художке. Мария вышла из дома, аккуратно прикрыла дверь и спустилась к своему мольберту. Всегда опрятная и с тяжелыми серьгами в ушах – малахит, агат, бирюза, – Мария на людях носила приталенные платья и белые воротнички, во двор надевала красивые ситцевые сарафаны и соломенную шляпу. Лиза и Света молча наблюдали, как Мария уверенно шлепает краску на разрисованный жирным карандашом холст.

Раньше Лиза часто встречала Марию на рынке и несла ее сумки домой. Они болтали о чем-нибудь, и Мария сокрушалась, что Лиза занялась татуировкой. Еще они пересекались в магазинах, скверах, махали друг другу в кофейне. В последние месяцы Лиза встречала Марию все реже, а ее платья часто выглядели мятыми, иногда Мария забывала вдеть в уши серьги. Лиза поняла из путаных объяснений ее внучки Наташи, что огромный мир за пределами двора начал разваливаться для Марии, как большой лего-дом, от которого отдирают лесенки, оконца и стены. Мир все больше пугал Марию, но иногда, в моменты помутнения, затягивал в свое жуткое и неясное нутро. Тогда Мария хотела уйти, и дочь с внучкой пытались ее удержать.

В апреле Лиза работала над эскизом на кухне и вдруг подпрыгнула: ее испугал долгий и прерывистый автомобильный сигнал, за ним последовал детский вопль. Лиза выскочила наружу, там была небольшая толпа и что-то интересное за ней. Лиза вышла на дорогу и увидела ее: Мария стояла прямо на дорожной разметке, растопырив руки, и смотрела внутрь себя. Дрожащие кисти Марии были перемазаны черной краской, на бежевом платье – темные пятна и полосы. Мальчик кричал: «Ведьма! Ведьма». Девочки верещали. Водитель вышел из машины. Лиза подошла к Марии, взяла за локоть и увела домой. На следующий день Лиза вышла покурить и с крыльца увидела Марию в любимой соломенной шляпе.

– Лизонька, здравствуй! – Мария помахала рукой. – Ты бы курить бросала, девочка!

Папа жил через три улицы в отдельно стоящем доме из белого кирпича. Лиза собиралась занести ему пирог с вишней, который испекла ночью в приступе тревоги и бессонницы. Сама Лиза в июне почти ничего не ела из-за тошноты: половину яйца на завтрак, потом бутерброд с адыгейским сыром, что-нибудь острое, на ужин – горсть тутовника или черешни. Но раз соседи отдали вишню, с ней надо было что-то делать.

Лиза надела большие наушники и включила «Кровосток»: монотонный голос приминал тревогу и не пускал раздражающие звуки снаружи. *Зелень выделяет по ночам озон, светает рано.* Лиза прошла под тутовой веткой, отшагнула от

нее и дернула за ягоду. *Когда не знаешь, как быть, будь как в клане Сопрано.* На асфальт упали другие ягоды и разбились в маленькие черные плевки. Лиза прожевала свою ягоду и протолкнула через горло. *Даже если ты не Сопрано, будь как в клане Сопрано.* Затем спустила наушники на плечи и толкнула калитку.

Двор папы был большой, ладный и разделенный на зоны, каждая для чего-нибудь предназначена. Три грядки с помидорами, огурцами и зеленью, четыре плодовых дерева, мангальная зона, аккуратная стриженная лужайка. На бетонной площадке, где папа часто что-нибудь чинил или приваривал, в ряд лежали его палатки: видимо, снова прибирался в гараже. Лиза подошла и молча чмокнула папу в щеку, он прижал ее голову к плечу.

– Дочь, пойдешь со мной в Безенги?

– Пап, июнь же.

– Ну, вдруг...

– В июле пойду, сейчас не пойду.

Папа протянул Лизе сноп коротких металлических палок и показал на любимую ярко-желтую палатку:

– Так, это... а давай соберем?

– Зачем?

– Всю зиму пролежала, мало ли.

Лиза кивнула и начала быстро собирать палаточные дуги. Она поочередно вставляла друг в друга трубки, нанизанные на веревку, а когда управилась, папа уже разложил на лужай-

ке внутреннюю палатку. Лиза воткнула конец дуги в землю через дырку в углу палатки, папа подхватил дугу с другой стороны и сделал то же самое. Потом они повторили все это со второй дугой и нацепили на металл палаточные крючки. Палатка поднялась, сверху папа надел тент.

– Пап, давай колышки не будем вбивать? Видно же, что все нормально.

– Ну давай. Просто достану их и посмотрю.

Лиза подняла пакет с пирогом и пошла в дом. На кухне было по-каталожному прибрано, уютно и чисто. Посреди стола папа воткнул вазу с садовыми цветами. Лиза подвинула ее и поставила пирог. Он выглядел симпатично, но у папы всегда получалось лучше. Лиза прошла через гостиную и коридор в самый конец, где спал папа. Там была их фотография втроем: трехлетняя Лиза, темноволосая красивая мама, смешной и очень юный папа. Лиза маму совсем не помнила, а папа больше не женился. Лиза даже не видела его с другими женщинами, хотя понимала, что они были. Папа говорил, что мама умерла от рака, а родственников у нее не было. Лиза сфотографировала снимок на телефон, быстро вышла на улицу и села на ступеньку. Закурила.

– Дочь, бросала бы, – папа взглянул на Лизу и отвернулся к своим палаткам.

– Пап...

– М?

– Я написала в пятигорский роддом и в горбольницу, и

мне сказали, что у них нет документов на маму. То есть, типа, ее там никогда не было.

– В смысле? Зачем ты писала? – Папа повернулся и сделал пару шагов к Лизе. – Что случилось?

– Ничего на самом деле... просто недавно я прочитала, что так можно. И что есть закон, по которому мне предоставят всю медицинскую информацию о маме. Там в двадцатом году внесли какие-то правки, ну, и так я узнала...

Папа отошел от Лизы, сел на корточки, стал снова что-то делать руками.

– Пап, ты же мне ничего не говоришь.

– Говорю.

– Нет, пап, не говоришь.

Папа снова развернулся к Лизе. Когда он волновался, его глаза становились как у пятиклассника, который потерял все карманные деньги.

– Дочь, я тебя обидел чем?

– Пап, почему даже в роддоме нет маминой медкарты?

– Откуда я знаю? Потеряли.

Папа встал и ушел в гараж. Лиза решила: пора домой. Уже у калитки она сказала, что испекла вишневый пирог. «Спасибо, дочь», – сказал гараж папиным голосом.

Жара и пыль заталкиваются в горло, нос дышит коротко и сбивчиво, воняет мочой и потом. До Лизы кто-то дотрагивается, она вздрагивает.

Лиза висит где-то над землей и видит, как из окон начи-

нают выпадать белые тяжелые языки. Воняет гарью. Лиза приближается к окну, внутри темно, и Лиза смотрит на белую ткань. Смотрит и смотрит. Ткань шевелится, как будто под ней есть мышцы.

Во вторую неделю июня всегда становилось хуже. Лиза проснулась и села в кровати. В комнате было тепло и золотисто, как в кружке с травянистым чаем. Лиза надела фитнес-часы и увидела, что ее сердце бьется 142 раза в минуту. Она коснулась холодного паркета ступнями и начала шевелить пальцами. В животе бесился зверь и вязал узлы из кишков.

Лиза попыталась вспомнить, что нужно делать дальше. Когда Лиза догадалась зайти в ванную и сесть на унитаз, выяснилось, что у нее полный мочевого пузыря. Лиза попила воды и вернулась в кровать. Там она играла в шарики на телефоне. Когда все жизни истратились, Лиза скачала такую же игру, только с кристалликами. В начале всегда легкие уровни, должно хватить надолго.

В Лизину дверь постучали. Она подпрыгнула, сердце начало ломиться в череп. Кто может стучать в дверь, когда у Лизы есть дворик и калитка? Лиза вышла в прихожую и выглянула в окно. На крыльце стояла Наташа, туповатая внучка Марии, младше Лизы лет на десять. Лиза открыла дверь.

– А давай мы договоримся, что ты никогда не будешь заходить сюда без приглашения? – Лиза выкрикнула в Наташу свою панику. – Это частная территория, ты поняла?

– Блин, прости, пожалуйста!

– Я ментов вызову в следующий раз, ясно?

– Прости-прости, умоляю! Тут просто треш, если честно!

Наташа была розовая и припухшая, ее чокер-пружинка перечеркивал красные пятна на шее. Наташа сказала, что выгуливала бабушку, потому что мама заставила ходить с ней по улицам, типа, так разминается мозг или что-то такое, потом Наташа попросила ее посидеть у подъезда всего пять минуточек, ну буквально, пока она заберет заказ на вэбэ и занесет подружке на пятый этаж, ну и примерить еще вместе, короче, бабушка куда-то делась, и теперь мать ее точно убьет.

– И я подумала, что ты же так нашу бабушку, типа, любишь и должна помочь... – Наташа закончила рассказывать и зарыдала.

– Кто-то еще ищет Марию?

– Друзья...

– Мне надо одеться и почистить зубы хотя бы.

– Да-да, конечно, я пойду тогда, а ты приходи потом на Крайнего, где больница.

Органы внутри Лизы снова задрожали, будто с ними играли когтистой лапой, а легкие стали уменьшаться и выталкивать из себя воздух. Лиза с трудом дошла до кровати, легла, сделала несколько долгих вдохов и выдохов, пульс замедлился, число на часах поменялось с трехзначного на двухзначное. Легкие расправились, Лиза немного успокоилась. Продолжая лежать, она набрала Свету и попросила ее тоже

прийти на Крайнего. Потом Лиза умылась, оделась, ничего не съела и выкатила красный горный велосипед: дорогой подарок папы, иногда они катались вместе под горой Бештау.

Подъезжая к месту, Лиза почувствовала, что в поясной сумке вибрирует телефон. Она решила доехать и, если что, перезвонить. Потом Лиза увидела кучку двадцатилетних, среди них – Наташа, она как раз кому-то звонила и перестала, как только показалась Лиза. Лиза уложила велосипед на траву и заметила Марию, она хмурилась и смотрела в себя. Белый воротничок сбился, в ухе не хватало серьги.

– Мария, вы как? – Лиза взяла ее за руку.

– Люся? – спросила Мария шепотом.

– Нет, Лиза, ваша соседка.

Наташа рассказала, что они даже не успели начать поиски: Мария вышла к ним сама, только слегка потрепанная. Наташа сказала спасибо Лизе и пообещала, что доведет бабушку домой сама. Лиза посмотрела на Наташины друзья, и все они показались ей чересчур юными. В этот момент подошла Света и положила руку на Лизину спину.

Когда все разбрелись, Лиза и Света пошли вниз по улице. Один раз Света остановилась, чтобы сфотографировать Бештау. Лиза катила велик рядом с собой и все время спотыкалась. Они подошли к старому пятигорскому особняку: в детстве Лиза не замечала его, скорее ее интересовал пересохший фонтан с дедовыми головами, что через сквер. А дом был очень красивый: угловой и желтокирпичный, с уз-

кими оконцами и псевдоготическими порталами. В подъезде сохранилась метлахская плитка: консьержка не пускала внутрь, но иногда Лизе удавалось проскользнуть.

Лиза пристегнула велик к оградке и вместе со Светой зашла в кофейню, которая вгрызалась в фасад здания. Внутри во всю стену была нарисована слишком взрослая и женственная Алиса из Страны чудес, ее грудь с трудом вмещалась в платье. Алиса пила чай рядом с серьезным мужчиной в шляпе, похожим на преподавателя. Короче, рисунок был реально странный, и Лиза старалась сесть к нему спиной. Лиза и Света заказали два кофе батч-брю и один малиновый чизкейк на двоих. Ругали Наташу, жалели Марию и смеялись над зумерами. Потом Света пожаловалась на мать, а Лиза – на отца. Света считала отца Лизы клевым и не понимала ее претензий. Лиза и сама не понимала, что не так в целом, но его реакция на ответ из больницы ее взбесила.

– А что ты вообще знаешь о маме?

– Ну, вот папа говорит, что у нее был рак, саркома, и она быстро умерла. Мне было четыре года, и я ничего не помню. Может, поэтому не могу ходить в больницы, не знаю...

– Слушай, да, вполне может быть! Он же наверняка водил тебя прощаться. Сочувствую, Лизок. А где ее могила?

– А нет могилы. У меня же папа романтик, блин, говорит, что развеял пепел в Теберде, где они были в походе и влюбились.

– Понятно...

– Херня, да?

– Да как будто херня. Лизок, а поищи родственников?

– А где, если мне папа ничего не говорит?

– Да господи, вбей фамилию мамы в Одноклассниках для начала.

Лиза поставила кружку на стол и посмотрела на чизкейк, Света уже отъела от него половину. Бледно-розовая масса и подсохшая ягодка малины задрезбужали. Лиза увидела, как серая тарелка под камень отъезжает от нее вместе со столом, Светой, кофейней и всем миром. Зверь внутри засыпал, на Лизу опускалось мутное стекло.

– Прикол в том, что я и не думала ее искать, – Лиза слышала свой голос как в телефонной трубке. – Как будто пути к маме никогда не существовало. А тут я увидела рилз про поиск родных, потом прочитала ту статью...

– Лизок, тебе плохо? Медленно говоришь.

– Угу, сейчас проводишь меня домой. Так вот, это все было очень некстати, в конце мая, когда меня уже начало накрывать. И меня будто подбросило и разбило о землю. Я уже сто раз пожалела.

– Зато, может, найдешь маму... разве плохо?

– Ну... это как будто надо отмыться от стекловаты. Разве это хорошо?

– Такое.

– Все, пойдем.

Света держала Лизу под руку, а Лиза катила велосипед,

но ощущалось так, будто это Лиза велосипед, тянущий за собой тело. Света поставила велосипед в сарай, а Лиза уложила свое тело в кровать. Потом она зарегистрировалась в Одноклассниках под вымышленным именем. Будто чужой рукой и из другой комнаты, Лиза вбила в поиск редкую мамину фамилию. На экран прыгнуло восемь имен с фотографиями: в шести профайлах указан город Буденновск. Лиза скопировала письмо для пятигорской больницы и отправила его на мейл городской больницы Буденновска. После этого уснула, хотя на улице было еще светло.

Пока Лиза спала, ее мутное стекло приподнялось. Она просыпалась несколько раз из-за тревоги и взбесившегося сердца. Один раз открыла глаза и поняла, что лежит на мокрой подушке, а маленькие ранки в уголках губ жжет соленым. Около десяти утра на телефон Лизы пришло уведомление: это был ответ из буденновской больницы с номером обращения.

Это еще ничего не значит, сказала себе Лиза. Просто приняли заявку.

Смеситель в Лизиной ванной устал, разболтался и начал плевать водой на пол. Лиза знала, что надо всего лишь заменить прокладку, но позвала папу: он любил делать что-нибудь для Лизы, к тому же у него получалось быстрее. Пока папа звякал инструментами, а кафель разбрасывал звук по всему дому, Лиза заказала пиццу с пеперони: папа любил «колбасную пиццуху». Потом красиво разложила тарелки и

воткнула в вазу последний выживший в огороде пион, к нему добавила веток и травы. Папа сел за стол, похвалил Лизу, а дальше они ели молча, и это было хорошо и спокойно.

– Дочь, а я недавно разбирал кассеты, – сказал папа. – Нашел ту, где ты катаешься на верблюде, давай посмотрим? Там еще много всякого.

– Господи, где ты нашел верблюда? Я вообще не помню этого.

– Да тебе там лет шесть всего.

– Блин, а я вспомнила, что в детстве вы провозили нас на пожарной машине на всякие концерты, где сами дежурили. Я точно была на «Самоцветах» и на шоу с названием что-то типа «бешеное ралли».

– Было дело, – папа засмеялся. – Девяностые, везде бардак, сейчас уже так не провезешь.

– Да и ваши дети теперь повыше чем метр с кепкой.

– Да и бати их уже на пенсии почти все.

– Так и дети их скоро пойдут на пенсию, – Лиза тоже засмеялась.

– Может, и мне пора?

– Не, тебе нельзя, умрешь от скуки.

Рядом с папой зверь внутри Лизы становился тише: сворачивался в тугой комок и, подрагивая, выжидал, когда он уйдет. Лиза спокойно дышала и даже смогла немного поесть. Она дожевывала горячий кусок пиццы с резиново-тягучей шапкой, как вдруг ее телефон вздрогнул: пришло уведомле-

ние от джимейла. В коротком ответе из буденновской горбольницы написали, что медкарта Лизиной мамы имеется в распоряжении архива. Ниже – адрес, куда подъехать, часы работы и перечень документов, которые нужно взять с собой.

– Пап, а мама что, из Буденновска?

– Да, из Буденновска, я же говорил, – папа быстро взглянул на Лизу и потянул руку к салфетнице.

– Нет, не говорил.

– Ну, не говорил, какая разница, – папа начал вытирать салфеткой каждый палец по отдельности.

– Вы с мамой там жили?

– Нет, никогда, я тебе рассказывал, что мы с мамой познакомились здесь, в Пятигорске, – папа встал и понес тарелку в раковину. – Оба занимались скалолазанием и встретились в гостях у общих знакомых.

– Папа, где я родилась?

– В Пятигорске, блин, Лиза, у тебя это написано в паспорте и, блин, в свидетельстве о рождении, – несколько слов папа будто бы бросил в Лизу. – Чего ты хочешь от меня?

– Я просто думаю, что ты что-то скрываешь, – Лиза продолжала сидеть на стуле и говорила спокойно. – Ну, типа, я знаю, что ты скрываешь что-то.

– А я думаю, что ты слишком много копаешься в себе. Лиза, я не знаю, почему тебе плохо, понятно? Но я всегда тебя очень любил, растил один и делал для тебя только хорошее.

– Пап, а при чем здесь это? – Лиза почувствовала, как к

ее горлу проталкивается крик.

– Ты меня в чем-то винишь, а я этого не заслуживаю. Мне не нужна твоя благодарность, но хотя бы, блин, не мучай меня, ладно? Я ни в чем не виноват.

– Точно не виноват?

– Чего?

– Если бы ты не был ни в чем виноват, стал бы скрывать от меня мать?

– Я не скрываю от тебя мать, я все рассказал тебе, я...

– Ты рассказал только несколько сладких историй! Ты мог их все выдумать, они даже неправдоподобные! Развевал прах над местом, где вы друг в друга влюбились? Серьезно?

– Лиза, ты на меня кричишь, мы в семье не кричим...

– Я уже не знаю, как с тобой говорить, – Лиза слышала, как ее крик отдаляется. – Может, ты просто выгораживаешь себя, а? Иначе зачем это все? Может, ты вообще был абьюзером? Может, ты бил ее? И она сбежала?

Папа сделал три быстрых шага к Лизе. Между ними опустилось толстое мутное стекло, и Лиза перестала кричать и задыхаться. Она видела, как фигура папы, стол и стул, а также стена за папой медленно уезжают в темноту. Лиза даже не услышала, что папа хлопнул дверью.

Праздник, который отмечали 12 июня, Лиза презирала: у них с папой никогда не было госвыходных, они жили по-своему и делали что хотели. Но в этом дне содержалось еще что-то мрачное, Лизе было особенно тяжело продраться че-

рез несколько суток после. Обычно Лиза ночевала у папы, когда он не был на смене, но после ссоры они с папой не общались.

Весь день Лиза продрожала лежа в кровати, а потом написала Свете и Кате и попросила прийти. Папа Кати тоже когда-то спасал людей и был пожарным, но ушел на пенсию, в то время как папа Лизы перешел в МЧС. Они вчетвером всегда хорошо общались, иногда все вместе выезжали собирать грибы или жарить шашлык. Год назад Катя родила, и компания как-то развалилась. Получив сообщение от Лизы, Катя испугалась, оставила ребенка со своими родителями и пришла.

На закате Лиза, Света и Катя сидели на веранде и пили безалкогольное пиво, его принесла Катя. Она сама еще кормила грудью, Света была пожизненно на таблетках, а Лиза в принципе не пила: алкоголь расшатывал хлипкие рамки, в которых Лиза держала свою тревогу.

– Ну и калечная тусовка, – сказала Катя.

– Конкретно калечная, – подтвердила Света.

Катя и Света засмеялись, потом начали болтать о всяком незначительном и поглядывали на Лизу, потому что Лиза сидела молча.

– Свет, а тебе тоже говорили, что часики тикают? – спросила Катя.

– А ты как думаешь? Все время говорят.

– Ой, девочки, не слушайте, пусть хоть сядет батарейка,

не рожайте, это пиздец!

– Разве так все плохо? – спросила Света. – Я бы хотела ребеночка.

– Ну, ладно, ребеночек хороший, это правда, – сказала Катя. – Миша – мой сладкий круассанчик, но все остальное... ой, короче!

– Лизок, а ты бы хотела ребенка?

Лиза сидела за мутным стеклом и смотрела в себя. Света окликнула ее еще раз, и Лиза заметила подруг. Пару секунду Лиза не понимала, где находится.

– Блин, простите.

– Да ничего, – Света погладила Лизу по бедру. – О чем думаешь хоть?

– А вы что-то знаете про Буденновск? – спросила Лиза. – Это далеко вообще?

– Ну, нет, пару часов езды, – сказала Катя. – У меня же родители оттуда.

– Что, правда? – Лиза почувствовала, как ее стекло начинается трескаться.

– Ага, ну, знаю, что там теракт был, отец перевелся как раз после него.

– Теракт? А когда? – спросила Лиза.

– Так, ну, я родилась уже здесь в девяносто шестом, значит, теракт был в девяносто пятом.

– Получается, мне было четыре года...

Лиза наблюдала, как ее стекло трескается и разлетается

во все стороны.

– Офигеть, ты такая старая? – Света вскрикнула чуть преувеличенно.

– Да, она реально молодо выглядит, – сказала Катя.

– Это из-за прыщей, – пошутила Лиза, она всегда так шутила, это был ее дежурный ироничный ответ.

– Не, это гены, – сказала Катя и глотнула пива. – У тебя вон батя какой сексик.

– Катя, что ты несешь, ты же мать, – засмеялась Света.

Света посмотрела на Лизу, ожидая, что сейчас она включится, скажет, что Катя дура, что это вообще фу, но Лиза как-то напряглась, а еще сбила ногой бутылку пива, которую поставила на пол, и ничего с этим не сделала.

– Так, а что за теракт? – спросила Лиза вместо этого.

– Да там больницу захватили, не помню деталей, мне мама рассказывала.

В Лизе вдруг повернулся ключ, и она завелась, как молитильная машина на дизеле, внутри все заревело и куда-то поехало, Лиза не понимала куда, и тогда она вскочила, потому что все потемнело, и начался какой-то хаос. Из всего потемневшего мира ей стало видно только соседскую стену, а в ней – три окна, и из каждого вывалилось по белому языку. Из-под плетеного кресла пошел дым, Лиза вскочила и начала махать руками, а еще, кажется, плакать.

Эй, эй, Лиза, ты чего? Сядь, Лизок, все хорошо. Света тоже вскочила, схватила Лизу, рукой прижала ее голову к

плечу. Лиза, ты дома, ты у себя дома в Пятигорске. Здесь твои лучшие подруги, Катя и Света. Папа недалеко тоже, у себя дома. Лизины мышцы начали размягчаться и опадать, кости выпрямились под своей же тяжестью. Лиза зарыдала, сильно, начала задыхаться и по-рыбьи смыкать губы. Света отвела Лизу в кровать, Катя дала попить воды, они накрыли Лизу одеялом и сели рядом прямо на пол.

– Это, бля, какой-то приступ, что ли, – спросила Катя.

– Похоже на то. Есть у меня одно подозрение...

– Какое?

– Диагноз ставит врач, а я всего лишь психбольная, – Света говорила тихо и гладила Лизино плечо.

– Но она не ходит к врачам, – сказала Катя. – Пиздец, что делать-то...

– Ну, да, но онлайн-то обращается, – сказала Света. – Не волнуйся, что-нибудь придумаем.

Лиза стоит напротив серой стены, она проводит рукой по круглым выбоинам в кирпиче и слышит крик. Не стреляйте, не стреляйте, не стреляйте! Лизино тело подбрасывает вверх и мотает из стороны в сторону. Лиза оказывается напротив окна: из него ползет простыня, она изгибается, как большой белый язык. Лиза видит много дыма, пахнет пожаром и фейерверками. Вдруг в окне появляется фигура в белом и раскидывает руки крестом. Не стреляйте! Фигура падает, белый язык отрывается от окна и летит вниз.

Лиза проснулась и сразу же начала задыхаться. К ней под-

скочила Света и крепко обняла. Лиза задышала ровнее.

– Ты что... ты осталась здесь? – спросила Лиза.

– Ну а как же... Только Кате надо было к Мише.

– Ох, блин, спасибо, – Лиза тоже сомкнула руки на Светиной спине.

– Лиза, есть проблема... Приходила твоя зумерша-соседка и сказала, что Мария потерялась. Эта тупица повела ее на гулянья, и Мария ушла куда-то под Машук в лес.

– Когда?

– Приходила или пропала?

– Когда Мария пропала?

– Вроде как часов пять назад. Полиция, конечно, говорит ждать.

– Надо срочно идти искать.

– Давай я позвоню твоему папе, он с тобой посидит, а я пойду помогу.

– Нет-нет, ты что, идем вместе.

– Нет, Лизок, тебе плохо, останься дома.

– Света, хуже всего мне дома, а когда что-то делаю, как-то нормально. И это же Мария, я не могу так вот...

– А ты идти-то сможешь?

– Да хоть на велосипеде!

– Вот дурочка. Окей, пойдем просто посмотрим, что за кипиш там.

Лиза встала и чуть-чуть попрыгала. Почувствовала, как ее кости и вообще-то крепкие мышцы собрались и стянули

разболтавшиеся органы. Лиза пошла в кладовку, взяла маленький рюкзак, три мощных походных фонаря, полторашку воды. Лиза собиралась в ясности, выходила из дома тоже в норме, но, как только шагнула за калитку, ее мышцы снова распустились, кости разъехались, все внутри задрожало. Не успела Лиза пройти и сотни метров, как между ней и миром снова встало мутное стекло.

Лиза подумала, что надо было позвонить папе и хотя бы узнать, как ищут людей в лесу, что для этого нужно, как не разбрестись, а лучше было бы позвать папу с собой – или он на смене? Дочь, не могу говорить, спасаю мир, шутил папа, когда она забывала про смену и звонила ему. За несколько последних дней папа ни разу не набрал Лизу, не отправил ни одного мема, не спросил, как твои дела, ничего вообще.

Возле нижней станции канатной дороги толпились и мялись зумеры, и один парень сказал Лизе привет и назвал ее по имени, но она не помнила этого парня, да и свое имя уже с трудом помнила. Другой парень сказал, что Наташа последний раз видела бабушку здесь и, поскольку ее нигде нет, она, вероятно, пошла в лес. Девушка добавила, что одна группа уже ушла, а еще они волонтеры, то есть искать умеют, и вот основные правила... Лиза прослушала инструкцию и просто пошла за всеми в лес.

В лесу Лизе стало уютно, тепло, как будто она сидела в ванной с выключенным светом, пока взрослые пили и веселились в зале. Лиза светила своим мощным фонарем, но де-

ревья все больше уплощались и серели, лес все сильнее походил на старую черно-белую фотографию леса. Рядом шла Света и зло что-то говорила, жужжала, как дрель, но Лизе было трудно разобрать, Лиза часто моргала, надеясь, что так чуть-чуть прояснится, но вдруг Лиза споткнулась, упала, и ее руке стало очень больно, мутное стекло треснуло в районе локтя.

Лизу поднимают, кто-то куда-то звонит, еще кто-то орет про сломанную руку, и Лиза не сразу понимает, кто и что сломал, а потом оказывается в большой машине, где все белое или серое, трясется. Рядом сидит Света, и глаза у нее огромные, как у испуганной собаки, и Лиза слышит, как кто-то плачет, умоляет, чтобы выпустили, и слабо бьется на носилках, и голосок совсем тонкий, и тут до Лизы доходит, что это ноет она сама.

Лиза лежит на липкой кушетке, она хочет встать, но не может, потому что сил больше нет, она видит яркие лампы и красные кресты, а еще много людей в белых халатах, они ходят туда-сюда. Лиза понимает, что она находится в больнице и что ее сюда привезли. Коридор заполняется дымом, воняет фейерверками и пожаром, и тут в дверях появляется мужчина в камуфляже. У него борода, автомат, берцы, а на лбу – зеленая повязка с красивой вязью. Кто-то тоненько зовет, плачет.

Папа, папочка...

Лиза смотрит на пол, чтобы не смотреть на мужчину с

повязкой, потому что он не прекращает смотреть на нее, а на полу лежит граната и автомат. В углу Лиза видит женщину, она раскачивается, плачет и укачивает своего ребенка. Заходит папа, и у него совсем молодое, двадцатилетнее лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.